

Г. П. ФЕДОТОВ

Петр Великий

Можно ненавидеть Петра, но нельзя отрицать одного: его титанической силы. Для нас он, прежде всего — явление мощи и силы, русской в самом отрыве от русских традиций, показавшей навсегда русскому человеку, к чему он призван, что он может, вопреки истории, вопреки всему. Мы, русские, всегда и справедливо сомневались в своей воле: оправдывая то славянством, то Востоком, то барством, то политическими условиями свою бездеятельность и лень. Петр был коренной московский человек, из болезненной, хилой династии, свое дело он совершил при ропоте и противодействии почти всего своего народа. Против него были огромные силы исторической косности. Круг сотрудников, воспитанных им, не блещет именами. «Он один в гору тянет, а под гору миллионы». Но, дело, созданное им, — новая Россия и новая русская культура — жило века. Оно оказалось прочнее империй Александра и Наполеона. Если мерить величие исторического деятеля величиим и прочностью совершенного дела и трудностями, преодоленными им, то Петра мы назовем, без ложной гордости, величайшим государственным гением древней и новой истории.

Одни из современников считали его антихристом, другие, кощунствуя, называли богом. Еще у Пушкина мы видим сверхчеловеческое, почти демоническое существо: повелитель стихий, «добра строитель чудотворный», Он — Медный Всадник. Загадка для современников, Петр продолжает быть загадочным для нас. Споры, поднявшиеся теперь вокруг его личности, о том свидетельствуют*. В наши дни поставлена под вопрос не только личность Петра, но и его историческое дело. Революция расшатала созданную им Империю. Его Балт перестал быть русским морем. Окончился — нужно думать, навсегда — начатый им синодальный

* См. С. Ф. Платонов, Петр Великий, Париж, 1927.

период русской церкви. В интеллигенции все крепнут анти-западнические настроения. Мы уже не понимаем его жадного влечения к Европе: мы хотим вновь утолить свою духовную жажду в засыпанных им ключах, бьющих из древней «святой» Руси. Мы сознаем, что начинается совершенно новый период русской истории, во многом отрицающий Петра. Но и отрицая Петра, будем справедливы к нему. Попытаемся отделить его добрый дар России от ядовитой и вредной шелухи. Быть может, для справедливого суда еще не настало время. Но этот суд необходимый акт русского самосознания. Обращаясь к Петру, мы всегда стоим перед Россией и ее будущим.

В деле Петра Великого мы всегда различаем: его государственное строительство и произведенный им переворот в русской культуре.

Как государственный деятель, Петр законный преемник московских царей. Здесь его титаническая воля подводит итоги многовековой работы Москвы. Для нашего поколения Петр представляется создателем Империи. Но неудержимое продвижение великорусского государства на Восток и на Запад обозначилось еще в XVI веке. Венчание на царство Грозного было уже символом Империи. В идее, царство (преемство византийских василевсов) было всегда сверхнациональным — вселенским. Титул императора ничего не прибавил к его содержанию, но, слегка секуляризовав его, приблизил к западно-европейским масштабам. Восточная империя Петра противостояла Западной (Австрийской) империи Карла VI. Самое направление петровской экспансии определено прошлым: вековая тяжба с Исламом и борьба за Балтийское море, за которое безуспешно бился Грозный. Решение последней задачи возвращало России старинные земли, новгородские, восстанавливало ее давно нарушенное равновесие. Московская Русь была поневоле, по нужде, ориентирована к Азии. Древняя Киевская и (после Новгородская) глядела на Запад и на Восток. В этом срединном Положении мы и должны усматривать истинное призвание России. Его вернул нам Петр. Отныне Россия, ведя колонизацию Азии, остается членом европейской (христианской) семьи народов. Ту историческую задачу, не удавшуюся его предкам (безуспешные войны со шведами), Петр решил, проявив, как мы знаем теперь, качества великого полководца. Но для решения хотя бы чисто военных задач ему понадобилась грандиозная государственная реформа.

Все государственное строительство Петра протекало под грохот шведской войны и было тесно с ней связано. Царь должен был максимально напрячь все силы страны, заставить работать,

поставить на службу государству все сословия — в еще большей степени, чем это было в старой, тоже крепостной Москве. При Петре даже образование дворян стало государственной повинностью. В результате Россия XVIII века оказалась еще более крепостной и узко-дворянской, чем Русь XVII века. Это не могло входить в планы царя, всегда демократического в своих вкусах, в выборе сотрудников. То была логика жизни, цена, которой куплено державное положение России в мире, ее новые победоносные армии, государственная промышленность и флот. За новыми европейскими именами учреждений, новой табелью о рангах и т. п., основной социальный склад Московского государства изменился мало — точнее, еще более заострил свои характерные черты: всеобщей службы и «тягла». Вот почему историки социальной школы склонны подчеркивать традиционализм Петровской реформы. Ее революционность бросается в глаза, когда мы подходим к ней с точки зрения культуры, т. е. духа.

Петр резко и насильственно европеизировал Россию. В его отношении к старому московскому, веками сложенному быту, общественно-моральным понятиям старой Руси — нельзя не видеть подчас прямой ненависти. Для него была ненавистна старая Москва. Он резал бороды, стаскивал кафтаны, уничтожил патриаршество, убил сына. Пародируя церковь во всешутейшем соборе, он в личной жизни взял за образец быт голландских мещан, чувствовал себя Питером, а не царем Петром. Со времен Петра русское дворянство с поразительной легкостью порвало духовную связь с предками и начало новую культурную генеалогию: сперва от Версаля и Парижа, потом от Геттингена и Берлина.

Для многих и сейчас еще духовная история России, ее литература, искусство — начинаются с XVIII века. Завоевание прошлого, возвращение к исконным корням древнерусской жизни, провозглашенное славянофилами, и поныне процесс трудный и мучительный.

Чего хотел Петр? Он был человеком дела, а не отвлеченной мысли, презирал идеологов не хуже Наполеона. Запад соблазнил его не своей духовной культурой. Он был равнодушен к философии, засыпал в театре, мало смыслил в искусстве. Его жадный, пытливый ум влекся к точному знанию, особенно прикладному. Изучивши полтора десятка ремесел, и некоторые из них до художественного совершенства, мастер Питер был прежде всего техником. В этом, заметим в скобках, его глубокое родство с нашей эпохой. Его личные вкусы совпали с запросом истории, Россия должна была усвоить технику Европы хотя бы для того, чтобы сражаться с ней. Для нее это был вопрос государственного существования. Поли-

тические трактаты Гроция и Пуфендорфа переводились попутно и случайно заодно с учебниками точных наук и «Прикладами, како пишут комплименты». Вся резкость борьбы со старым бытом протекала не из идеологического отрицания старой культуры, а из сознания — отчасти справедливого — огромной силы — косности, заложенной в нем, создавшей огромные препятствия даже для технических нововведений в установно-обрядовой основе жизни. К гражданской реформе Петра, как к церковной — Никона, Русь обратилась своим «старообрядческим» лицом. И Петр не убоился, не посчитаться с этим «святым» лицом.

Многое в жестокости этого разрыва (борьба с бытом) должно быть поставлено лично на счет Петра: темных воспоминаний его Детства, увлечений немецкой слободой, капризов деспота. Гораздо важнее ответить на вопрос: могла ли Россия ограничиться в заимствованиях с Запада только технической культурой?

Техника не существует вне системы научного знания. Чистое естествознание, оплодотворяющее технику, связано с математикой, с философией. Культура древней Руси, богатая искусством, формами культа и быта, была совершенно лишена науки. Даже богословская мысль Греции осталась ей совершенно недоступна. Этот огромный, зияющий пробел должен был быть заполнен. Нужны были столетия, чтобы самостоятельно, на почве византийского православия, возрастить научную культуру. А жизнь не ждала. Пришлось пересаживать чужую мысль, даже тогда, когда она находилась в вопиющем противоречии с сердцем. Петр не задумывался над этим. Но при его преемниках русское образованное общество с легким сердцем бросилось в школу — уже не Гроциев, а Вольтеров и Руссо. Произошел обвал религиозной культуры. Петр, не помышляя об этом, зачинает новую главу в истории русской культуры: секуляризации, ренессанса, гуманизма, западничества.

Последствия этого были неисчерпаемы. Народ — включая духовенство и купечество — оставшийся верным культуре XVII века, утратил нравственную связь с дворянством. Классовая пропасть в крепостной России углубилась с осуществлением двух совершенно различных культур. С одной стороны, — культура дворянства, позже интеллигенции — оторвавшаяся от связи с исторической, национальной жизнью, приобрела характер беспочвенности. Она стала беззащитна по отношению к западным влияниям. Быстрая смена увлечений чуждыми культурами выражалась постоянным разрывом между поколениями: отцами и детьми. Каждое поколение старалось разрушить все, созданное предыдущим. Накопление положительных национальных ценностей совершалось с великим трудом.

Особенно тяжка была по последствиям церковная реформа Петра. Она на столетия поставила церковь под чиновничью опеку государства и лишила ее почти всякого влияния на государственную и общественную жизнь. Национальное лицо православия было искажено надолго.

Признавая злые плоды петровского культурного раскола, нельзя не видеть и добрых плодов его. Петр разбудил дремлющую русскую мысль и расковал пленное русское слово. Воспитанная на уроках западной философии и стиля, Россия сначала «на Петра ответила Пушкиным», потом на Шеллинга — православной философией славянофилов. По-видимому, России неизбежно было пройти путем национального самоотречения, искупая грех лености, чтобы опять вернуться к себе, осознать свое достоинство, обогащенное всем опытом европейской мысли. Опыт познания «добра и зла» не прошел даром. Многое уродливое, темное, демоническое в нашем духовном росте объясняется этим подлогом нашего исторического пути.

Было это темное, демоническое начало и в самой личности Петра. И в этом он выражает нравственную двойственность русской души. Мы только должны остерегаться теперь грубой размалевки. Способный поддаваться припадкам животного гнева, Петр не проявлял в жестокости болезненных извращений. Не был он и злопамятен: скор на милость и расправу. В разгуле он истощил свои силы, сгорев преждевременно. Но не был низким сластолюбцем, знал теплые человеческие чувства и умел внушать к себе верную любовь. Берясь за все, он не стал дилетантом. Стремился все изучить досконально, и не стыдился сознаваться в своем незнании. Его любовь к справедливости, его абсолютная честность перед собой, делали грозного царя не страшным для искренних его сотрудников. Он был даже по своему благочестив, молился, признавал себя членом православной церкви; это не мешало ему подбирать угодливых и безнравственных иерархов в помощь своему государственному делу. Его кощунства не говорят о безбожии, в них он остается верным русскому народному характеру. И над всем этим доминирует одна черта, за которую ему многое простится: безграничной верности своему долгу, подчинения себя и всего своего народа государственному служению той России, которая выше Царя и народа, о которой он писал в приказе перед Полтавской битвой: «А о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы Россия во славе и благоденствии».

